

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.11>

Бурцева Жанна Валерьевна

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮКАГИРСКОЙ, ЭВЕНСКОЙ И ЭВЕНКИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР)

Статья посвящена выявлению особенностей концептосферы Северного текста литературы Якутии, что не было предметом специального изучения с точки зрения локального текста, иными словами, "текста, прикрепленного к месту". Впервые рассматривается концепт КРАЙНИЙ СЕВЕР как структурообразующий и базовый в аспекте геопоэтического освоения пространства, реконструируемый в знаки-символы данной территории, ландшафтные и природные образы, этноментальные, эмоциональные и философские образы в их обобщенной целостности. Анализируются также наиболее значимые концепты тундра, тайга, река, кочевье, время, олень.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 56-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. Царахаты Т. Тархъусан гыццыл къæдзил цæмæн ис: Аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1985. 23 ф.
 18. Чеджеты Г. З. Тæнагбазыр, авдхуызон: Аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1972. 21 ф.
 19. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
 20. **Этиологические мифы** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mifinarodov.com/e/etiologicheskie-mifyi.html> (дата обращения: 27.08.2019).

ETIOLOGICAL MYTH AS A MEANING-FORMATIVE COMPONENT OF THE OSSETIAN LITERARY TALE

Britaeva Anzhela Borisovna, Ph. D. in Philology

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of the Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz
 angelikabb@yandex.ru*

The article analyses close interrelation of the Ossetian literary tale and the archaic animal epos. Special attention is paid to the etiological myth as one of the meaning-formative components of the Ossetian author's tale explaining certain exterior and behavioural characteristics of animals, birds, insects and causes of natural phenomena. It is shown that such literary works are even more disengaged from mythic time than folk tales, writers use aetiology exclusively for the didactic purpose. Relevance of the paper is conditioned by the lack of studies on history and problems of the Ossetian children's literature.

Key words and phrases: Ossetian children's literature; literary tale; Ossetian folklore; animal tales; etiological myths.

УДК 8.82.0

Дата поступления рукописи: 21.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.11>

Статья посвящена выявлению особенностей концептосферы Северного текста литературы Якутии, что не было предметом специального изучения с точки зрения локального текста, иными словами, «текста, прикрепленного к месту». Впервые рассматривается концепт КРАЙНИЙ СЕВЕР как структурообразующий и базовый в аспекте геопоэтического освоения пространства, реконструируемый в знаки-символы данной территории, ландшафтные и природные образы, этноментальные, эмоциональные и философские образы в их обобщенной целостности. Анализируются также наиболее значимые концепты ТУНДРА, ТАЙГА, РЕКА, КОЧЕВЬЕ, ВРЕМЯ, ОЛЕНЬ.

Ключевые слова и фразы: Северный текст; концептосфера; концепт; Крайний Север; геопоэтика; С. Курилов; Улуро Адо; А. Кривошапкин; Г. Кэптукэ.

Бурцева Жанна Валерьевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
 Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
 gvburtseva@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЕВЕРНОГО ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮКАГИРСКОЙ, ЭВЕНСКОЙ И ЭВЕНКИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР)

Объектом исследования является литература малочисленных народов Севера Якутии, которую мы рассматриваем как систему текстов, семантически связанных с Крайним Севером (Арктикой), в многообразии индивидуально-авторских интерпретаций, репрезентирующих определенную региональную картину мира. Специфика картины мира раскрывается в анализе ключевых понятий концептосферы и их структурной взаимосвязи. При этом определяющие факторы формирования концептосферы основываются в любом случае на пространственных представлениях, обусловлены ландшафтной и территориальной спецификой, исторически и культурно сложившимися особенностями мировосприятия.

Актуальность исследования характеризуется новым подходом к изучению северной литературы Якутии как локального текста со своими культурными кодами, знаками-символами, образами, архетипами, мотивами, что, по нашему мнению, наиболее объемно и системно показывает уникальность национальной идентичности (по-другому региональной) в совокупности всех ее признаков. **Цель** данной статьи заключается в выявлении художественных особенностей основных составляющих концептосферы Северного текста литературы Якутии, смысловым ядром которого является юкагирская, эвенская и эвенкийская литературы. В **задачи** исследования входит стремление обозначить ключевые элементы национальной концептосферы и определяющие их факторы, охарактеризовать структурообразующую роль концепта КРАЙНИЙ СЕВЕР в формировании этнокультурной картины мира и концептосферы. Несмотря на огромный мотивно-образный комплекс, выбор для анализа в рамках статьи таких концептов, как ТУНДРА, ТАЙГА, РЕКА, КОЧЕВЬЕ, ВРЕМЯ, ОЛЕНЬ, обусловлен ярко выраженной локальной спецификой данных образов местности, а также исследованием их с новых позиций. **Научная новизна** заключается в попытке системно рассмотреть концептуализацию

образов Северного текста литературы Якутии, образующего особую пространственно-временную организацию и транслирующего смысловые единства, порожденные сугубо региональными реалиями.

Концептуализация текста как способа индивидуально-авторского восприятия мира всегда вызывает большой интерес у исследователей. Так, исследованию концептосферы поэзии юкагира Г. Н. Курилова – Улуро-Адо посвящена статья Ю. Г. Хазанкович, в которой автор выделяет концепты ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВА как доминантные в творчестве народов архаической культуры, воплощенные в образах тундры, ветра, реки, озера, воды. Также автор отмечает наиболее выразительные в семантической и эстетической функциях концепты МАТЕРИ, ОЛЕНЯ, КОСТРА, СОЛНЦА, ПОЭТА и ПОЭЗИИ [18]. Природный концепт РЕКА в повести Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя Джелтула-река» представляется в другой статье как воплощение образа родины, а в концепте ТАЙГА выражается значение дома [3].

Мы считаем, что для формирования системного представления о концептосфере Северного текста литературы Якутии необходимо научно осмыслить само понятие «Крайний Север» как генеративное порождающее фактора регионального текста и комплексно его реконструировать. Каким же образом фактор места влияет на художественное творчество человека и его сознание?

Сегодня на материале художественной литературы активно исследуется геопозитика Севера, Сибири, Алтая, Урала и других регионов. Данный ракурс исследовательского взгляда позволяет по-новому посмотреть на творчество региональных писателей [1]. Репрезентативность территории в региональной литературе появляется не потому, что существует привязанность к ней, а потому, что есть «глубинная связь географического образа с мироощущением человека, его психологическими, мировоззренческими, поведенческими реакциями» [2, с. 5].

По мнению О. С. Шуруповой, выявить основные особенности мифотектоники сверхтекста и определить его условные контуры можно лишь на основе анализа сверхтекстовой картины мира, постижение особенностей которой необходимо для относительно полного постижения культурных смыслов, получающих в сверхтексте выражение [19, с. 296]. Совокупность авторских художественных концептов, так или иначе имеющих единую модальную установку и общую внетекстовую ориентацию, составляет сверхтекстовую картину мира данного топосного текста.

В отличие от понятия «Крайний Север», устойчивостью обладает геокультурное понятие «Русский Север», значимость которого далеко не ограничивается территориальностью, а для русского человека оно «наполнено высшим философским смыслом», является «священным пространством, где берет истоки его родная культура» [5, с. 4].

Географическое название Русский Север, введенное в научный и общественный оборот более века назад, превратилось в макрорегиональный топоним, который воспринимается как естественный, – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион Русский Север [16, с. 121].

Образ Севера как геопозитического пространства в северной литературе Якутии имеет совершенно другую качественную характеристику, чем в якутской литературе. Северная земля в восприятии якутских авторов связана с «аласным» хронотопом, образующим целый ряд самостоятельных концептов, таких как ДЕРЕВНЯ, СЕЛО, АЛАС/ЕЛАНЬ, ЛЕТНИК, ЛЕС, БАЛАГАН, СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ, ОХОТА, ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА, СНЕГ, ХОЛОД и другие [15, с. 47].

Арктической Якутией принято называть обширную территорию, охватывающую северные районы республики, являющиеся исторически сложившимся ареалом компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии: долганов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей. В литературе малочисленных народов Севера мы никогда не встретим понятие-архетип «алас», которое в якутском языке означает типичную для равнинной Якутии форму рельефа (поляна в лесу) и является главным символом родины, дома, начала начал. Якутов характеризует «аласное» мышление, в котором берет истоки национальное самосознание. В родном аласе якут строит дом, все дороги начинаются и ведут в это единственное защищенное место на земле, поэтому это бесспорная мера всего и вся. У северян совершенно другое представление о пространстве, которое не имеет никаких границ, бескрайнее и беспредельное, в котором дом – это то место, где пасется олень.

Как известно, все северные народы получили прозвище «тунгусы», то есть «оленные люди». В этнографической литературе название «эвены» восходит к этнониму «ламуты», от тунгусского слова «ламу» – «море», или «спускающиеся с гор», тундровый оленеводческий народ. Эвенки, самый древний кочевой народ, что означает «идущие поперек хребтов», исторически сложились как «пешие» (охотники) или «кочевые» (оленеводы) тунгусы. Юкагиры же называют себя «одулами», что в переводе «одул/вадул» – «сильный», «могучий» или «люди мерзлоты». Как видно, самоназвания народов «спускающиеся с гор», «идущие поперек хребтов», «люди мерзлоты», «тундренные юкагиры (нижнеколымские)», «лесные юкагиры (верхнеколымские)» маркированы пространственными константами, в которых заложена идея пути и движения. Поэтому и слово «жить» эвенки часто заменяют словами «идти», «шагать», «двигаться», «я прошагал столько лет». Все авторы-северяне Якутии выстраивают свои художественные миры, наполненные фольклорным нарративом и эпическими сюжетами, как онтологическую проблему жизненного пути-аргиша-кочевья, наполненного жаждой познания новых мест. Северная литература реализуется путем передачи архаических локальных мифов, один из которых – репрезентация топоса тундры. По определению В. В. Абашева, локальный текст – это и есть «более или менее стабильная сетка семантических констант, формирующаяся в стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места» [1, с. 11].

В первом юкагирском романе-трилогии «Ханидо и Халерха» Семена Курилова, эпично повествующем о тяжелом прошлом народов Крайнего Севера, с первых страниц материализуется мифопоэтический и философский образ тундры: «Суровая тундра простирается между сибирскими реками Индигиркой и Колымой. Суровы все тундры, но эта – озерная, самая северная. На что уж холоден Якутск, но он далеко на юге, на севере же – ледяное Восточно-Сибирское море; сам батюшко земной Полюс холода соседствует с этим краем – он рядом, в пятистах километрах. Если кто-нибудь говорит, что мороз в их местах – как огонь, а ветер – как нож, то он просто не знает, что такое мороз и ветер, – он не бывал зимой в колымской и алазейской тундрах... Но край этот – вовсе не вымерзшая пустыня. Напротив, обжит он давно, очень и очень давно...» [11, с. 3].

Крайний Север хоть и устойчиво ассоциируется с дикими языческими народами на пространствах безлюдья, есть, прежде всего, кладезь народной мудрости, честности и силы человеческого духа. Автор с любовью и гордостью описывает уникальную красоту и суровый холод северной земли, самобытную, самоценную культуру ее народов, которую не сломил самый лютый мороз, постоянный поток переломных исторических событий и «иных племен». Тексты северных авторов чаще всего «историчны и биографичны», в них всегда присутствуют дискурсивный исторический и автобиографический контекст, описание насильственных изменений исконной среды обитания и травматического опыта, тяжелейшего быта, холода, голода, болезней, изнурительного труда. «Голод беспощадней самого страшного холода. Голод-то и гонит юкагира, чукчу, ламута из стойбища, гонит на опасную и малоудачливую в потемках охоту. Обмораживая носы, щеки, пятки, сиротливо бродят по тундрам люди, без конца отгоняя жуткую мысль о гибели» [Там же, с. 159]. Мотив голода и преодоления его нечеловеческими усилиями, мотив непрестанной борьбы за выживание воспринимается как неотъемлемый фрагмент действительности, что служит раскрытию черт национального характера, специфики пребывания человека в экстремальных условиях Крайнего Севера.

Описание природных ландшафтов в Северной литературе, прежде всего, связывается с топом тундры. Место действия в романе «Ханидо и Халерха» разворачивается в колымской тундре, а именно близ озер Большое и Малое Улуро, в которой издревле юкагирский тордох соседствует с чукотской ярангой и эвенскими чорама дю. Образ «кочующего тордоха» в тундре часто встречается в творчестве юкагирских авторов и символизирует истоки родной культуры. Так, в поэзии юкагирского поэта Улуро Адо, называющего себя «ойкуменцем из глухой окраины Земли», образ «тордоха деревянноногого» олицетворяет отчий дом, который кочевал в древней тундре «много зим и много лет, истязали его пинками свирепые бури, иступленные ливни, прошивали его раскаленные стрелы, разящие копья, и оленем израненным он падал на белый наст и снова вставал» [10, с. 12]. Изображение «тордоха» получает метафорический смысл, выражающийся в мотиве бесконечности, вечности, возрождения. «Тордох» как дом имеет подвижные динамические границы, потому что внешнее пространство тундры и внутреннее пространство тордоха представляются едиными, изображенными в неразрывном эмоциональном потоке.

Эвены же тундру называют по-своему «авлан». Происхождение ламутского рода связывают с бескрайней тундрой – бесконечной снежной равниной, когда не было ни деревьев, ни тальников, ни даже карликовых кустов. Как поется в древней легенде, во времена, начало которых никто не помнит, жил удачливый охотник по имени Ламут. «Кочевал он по всей тундре от одного озера к другому. Зимой путешествовал очень далеко, по богом забытым местам, о которых даже не ведали его сородичи. Возвращался с богатой добычей, привозя оленину, сохатину и вкуснейшее мясо уямкана – снежного барана. Никто не мог сравниться с ним в охотничьей удаче. Только он один мог выдерживать дальние кочевки в погоне за сокжоем или сохатым. Отовсюду к нему тянулись сородичи, чтобы кочевать с ним по необъятной тундре. Так и образовался небольшой, но крепкий народ» [6, с. 4].

Бесконечность топоса тундры и пролегающего по ней пути кочевника составляет характерный и специфический для северной культуры хронотоп. Концепт КОЧЕВЬЕ отражает специфику северного менталитета и культуры, отражает существование в природном локусе, плоскостное восприятие пространства и модель северного движения. Эвенкийская поговорка гласит, что «эвенк – это человек шагающий, всю землю обойдет в своих странствиях» [13, с. 74]. Так, в творчестве эвенкийской писательницы Галины Кэптукэ мы находим ответ, что не только жизненная необходимость, оленеводческий и охотничий промыслы заставляют северянина совершать путь, ощущая взаимозависимость всего в мироздании. В повести «Рэкет по-тунгусски» обрисовывается философская категория времени в образе «Нить жизни», передающая саму форму бытия, в которой все живое на земле соединено незримыми, глубинными, тайными нитями родства. Эта нить духовно скрепляет образы прошлого, философско-аллегорические облики предков – черноголовых и поперечноглазых эвенков. «Та, что хранит память предков лесных людей. И вот в беспокойстве летаю я над землей, пытаюсь крепить эти нити, Нити жизни эвенков. Чтоб слышать меня, нужна тишина тайги, запах лесных трав, и нужен легкий лесной ветерок, который донесет мои слова. Нужен и говор таежного ключа, бьющего из-под земли, он тоже может передать мои слова людям. Только через дыхание тайги, только через дыхание земли я могу доходить до души человека» [14, с. 28]. Категория времени как объект мифологизации в Северной литературе носит экзистенциальное содержание, единую линию вечности и сокровенного прошлого, в котором прошлому уделяется более важная роль.

Размышляя о судьбе народа, авторы переживают ее как историческую катастрофу, где доминирующей формой являются отражение утраченного и рефлексия об утрате. Зачастую говорится о травматических переживаниях, разрушениях исконной среды обитания и культурного наследия. Но уникальная черта поэтики северной литературы заключается в способности изживать травмы, обнаруживать в архаичной памяти механизмы защиты и возрождения.

Концепт ТАЙГА, как и ТУНДРА, с одной стороны, отображает гармоничную природную модель дома и хранилище древних традиций, аксиологически передающую память о прошлом. «А он возвращался в тайгу, собирался жить здесь и не хотел нарушать того, чему его учили те, кто считал тайгу родным домом. Ведь родившись в тайге, я и должен был расти в тайге, чтоб быть тем, кем должен был быть» [Там же, с. 27]. С другой – тайга является живым суверенным и наказывающим существом, взвешивающим злые и добрые дела. «У каждой горы, реки и озера есть свой хозяин-дух. И если ты не сделал ничего плохого тайге, тебе не нужно бояться их. Не думай, что тайга безлюдна и пуста, это у людей так устроены глаза, что многого не видят» [Там же, с. 28].

Все образы и мотивы взаимосвязаны и переплетены между собой. Традиционно архетипические концепты РЕКА, ГОРЫ, СКАЛЫ-КАДАРЫ содержат глубинные мифологические смыслы, являются элементами сакральной топографии и всегда предстают как одушевленные существа. Источниками сюжетов в Северной литературе часто выступают легенды, мистические предания, сказания, фольклорные версии происхождения народа, рек, озер, гор, что является информативным способом изучения местности. Так, одна из величественных, пугающих, холодных северных рек Колыма, о которой сложено много песен, сказок, легенд и рассказов, сравнивается с прекрасной женщиной, которая вырастила множество рыбных детей-притоков, около тридцати пяти речек, тем самым помогла людям. «Рядом была Колыма – Кулума по-чукотски, по-якутски, по-ламутски и по-юкагирски. Колыма... Она некогда была молодой. Она родилась где-то в далекой тайге, среди гор, и никто ее за речку настоящую не считал. Петлял ручеек этот между камней, пропал в болотах. Он боялся пересохнуть, пропасть – и потому стал искать море-бабушку. Как всякое юное существо, Колыма сильно петляла в жизни и в поиске. И не заметила она, как повзрослела и как стали появляться у нее дети. Очень доброй была река к людям – и потому детей своих она называла самыми лучшими именами, а учила их только добру» [11, с. 69].

Образ реки имеет черты нарративного концепта, несущего сюжетобразующие функции, например, роман А. Кривошапкина «Голец Тонмэй» начинается с ламутской легенды, в которой сказочный мотив превращения или перевоплощения реализуется в образе реки. «В начале лета, когда тополиные леса и тальниковые рощи по обоим ее берегам одеваются в нежный зеленый наряд, а поляны покрываются ярко-пестрым цветочным ковром, речка Тонмэйчэн превращается в юную девушку-ламутку дивной красоты» [6, с. 3]. Превращение реки в девушку в структуре романа служит сюжетной основой и символом рода.

Поэтику произведений одного из самых крупных северных авторов, эвена А. Кривошапкина, автора более семидесяти книг, характеризует единый автобиографический метатекст, «кочевье длиною в жизнь» по одноименному названию его трилогии. Яркими чертами творчества являются сочетание географической точности и поэтической образности в описании природы северной земли, историческая и автобиографическая достоверность, этнографическая колоритность. Его романы дают целостное представление о благородстве, силе духа и нравственном облике «оленных людей», «которые первыми ступили на студеные берега и вечно продуваемые жгучими ветрами льдины арктических широт и с внешним миром не имели никакой связи» [8, с. 3]. Только олени помогли выжить «оленным людям», поэтому в северной культуре центральным мифологизированным животным и объектом почитания является олень, который метафорически представляет «душу и жизнь Севера», «верного друга и кровного брата». В художественном творчестве северян практически отсутствует образ коня, в отличие от якутов, предстателей тюркоязычных народов Сибири, в традиционной культуре которых именно богатырский конь символизирует друга и помощника.

Идеальным героем северной литературы выступает «природный» человек, «сын Арктики», при этом антропоморфное мироотношение у северянина формируется с детства, когда по обычаю маленького мальчика берут с собой в кочевье, и он учится выживать в любых ситуациях. В романе «Кочевье длиною в жизнь» женщина-кочевница должна научить сына ставить «илуму» (переносное жилище эвенов в виде конического чума общетунгусского типа) посреди льдов и заснеженной тундры. «А мама принялась ставить палатку. Деревянной лопаткой-эрун выгребла снег. Я топчусь возле нее, хочу помочь. Натянув палатку, мама поставила железную печку. Топором повалила несколько тонких деревьев-сухостоев и нарубила их на дрова. Из речки выдолбила лед и мелкими кусочками наполнила чайник и небольшой экэ-ведро» [7, с. 9].

Системообразующий концепт КРАЙНИЙ СЕВЕР в северной литературе Якутии вбирает в себя географические образы в их обобщенной целостности, знаки-символы данной территории, включая *ландшафтные формы*: тундра-авлан, тайга, кочевые тропинки, замерзшее море, горы, скалы-кадары, каменные скалы-тонмэй, реки, озера, болота; *природные образы*: снег, мороз, холод, ветер, лед, солнце, полярная белая ночь, звезды, северное сияние, северная весна, северное лето, комары, костер; *образы-мифологемы животных*: олень (по-эвенски: «оран» – домашний олень, «буйон» – дикий олень, «хор» – самец оленя, «буур» – рабочий олень, по-юкагирски: «аньмил» – ездовой олень, «льмучаа» – красивый олень, по-эвенкийски: «орон»), медведь-абага, снежный баран-уямкан, волк; *ментальные этнокультурные образы*: кочевье, кочевка-аргиш, кочевник, охота, охотник, северянин-орочанин, стойбище, сородич, предки, тордох, илуму, иное племя, род, нарты; *эмоциональные и философские образы*: свобода, простор, путь, движение, память, дом, поиск, испытание, наказание, борьба, смерть, боль, голод, красота, любовь.

При этом сама пространственная модель Севера строится на бинарной оппозиции свой/чужой как части структуры мифа. Ведущая смысловая оппозиция «свой/чужой» определяет художественное функционирование других символических оппозиций: добро и зло, жизнь (кочевье) и смерть (оседлый образ жизни), оленные люди («сородичи», «сыны Севера») и иные племена («хлынувшие алчные племена», «дети порока»), свобода и рабство, природа и цивилизация, миф и реальность.

Уникальность локального текста всегда определяется спецификой его естественного ландшафта, имеющимся набором природных и культурных элементов [4]. Можно проследить, что значение географического концепта КРАЙНИЙ СЕВЕР не является территориальным, не представляет собой сторону света и даже не противопоставляется югу, а аксиологически и метафизически отражает способ бытия.

В. Топоров, как известно, выделял особенности конструирования Петербургского текста на основе выделения способов языкового кодирования его основных составляющих в отрицательном и положительном смыслах, таких как внутреннее состояние, природа и культура [17].

Номинативное поле концепта КРАЙНИЙ СЕВЕР воплощается самым широким кругом метафорических лексических средств, включающих этимологические, понятийные, образные, оценочные слои лексики: это земля сородичей, Арктика, Отечество, ойкуменное чудо, душа, мир предков, дом, сияющий безмерный белый простор, край света, полярный хрупкий самоцвет, счастье, земля студеная, тайга вечнозеленая, тундра далекая, дальняя, безбрежная, угрюмая, обветренная, ягельная, девственная, чистая, безмолвный холод, край, морозом опаленный, песни северных племен, купол неба отеческий, царство белых ночей, белое безмолвие зимы, белое волнение, ледяная тюрьма, трескучая, суровая, белокрылая, чистая зима, молочная тишина, школа жизни, щедрый край, кочевье, олень, жизнь, загадка мира, твоя судьба, божественное чудо на земле, труд, рубеж. Становится ясным, что суровые и прекрасные природные образы Севера изначально противоречивы и контрастны в эмоциональном восприятии.

В основе северного пространства лежит семантика вечности, бесконечности, бескрайности, беспредельности и одновременно рубежа, границы, предела человеческих и сверхчеловеческих возможностей в процессе выживания. Именно в такой ситуации рубежа культура становится наиболее продуктивной, так как мобилизует все свои внутренние ресурсы и механизмы самосохранения. Поэтому литература народов Севера Якутии продемонстрировала невероятно яркий пример ускоренной эволюции, начиная с 1930-х годов.

Таким образом, базовый концепт КРАЙНИЙ СЕВЕР, иерархически и функционально связывающий другие значимые концепты ТУНДРА, ТАЙГА, РЕКА, ГОРЫ, ОЛЕНЬ, ВРЕМЯ, КОЧЕВЬЕ и др., характеризуется положением на краю земли, на границе ойкумены, что вносит экзистенциальный смысл в восприятие образно-географических контекстов. Хронотопическая модель Севера построена на очевидной контаминации мифа и реальности, антитезе и бинарной оппозиции.

Пространственная репрезентация «кочевья» как главной категории регионального самосознания характеризуется понятиями простора и безграничности (бескрайняя тундра, вечная тайга, огромная река, кочевье тропинки, величественные горы), открытости (воздух, небо), длинного пути в свободном пространстве. При этом Север выступает как драматическое пространство-антагонист, с которым сталкивается человек, оно всегда противопоставлено цивилизации, кочевье – оседлости, а северяне – горожанам. Можно заключить, что понятие «Крайний Север», выполняющее ядерную и структурообразующую роль в концептосфере Северного текста литературы Якутии, представляет собой не тематическое явление, не географическое месторасположение, а особое мироощущение.

Список источников

1. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филология». М.: Директ-Медиа, 2014. 139 с.
2. Абдуллина Л. И. Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание // Геоэтика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 5-15.
3. Габышева Т. Т., Хазанкович Ю. Г. Природные концепты «река» и «тайга» в повести Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя Джелтула-река» // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Бердникова. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. С. 68-70.
4. Голубев Н. А. Формирование локального текста: ивановский опыт: дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2014. 241 с.
5. Зубков Д., Наумова О. Русский Север: возвращение к истокам // Человек без границ. 2006. № 6 (7). С. 4-14.
6. Кривошапкин А. В. Голец Тонмэй. М.: Вече, 2019. 352 с.
7. Кривошапкин А. В. Кочевье длиной в жизнь. Якутск: Бичик, 2000. 332 с.
8. Кривошапкин А. В. Оленные люди. Якутск: Бичик, 2013. 341 с.
9. Курилов Г. Н. (Улуро Адо) Весть из тундры. Якутск: Бичик, 2006. 80 с.
10. Курилов Г. Н. (Улуро Адо) Монолог аборигена Арктики. Якутск: Бичик, 2011. 80 с.
11. Курилов С. Н. Ханидо и Халерха / пер. с юкагир. Р. Палехова. М.: Сов. Россия, 1988. 623 с.
12. Кэптукэ Г. Имеющая свое имя Джелтула-река. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. 117 с.
13. Кэптукэ Г. Когда в причудливый узор сплетаются слова // Полярная звезда. 1984. № 4. С. 74-80.
14. Кэптукэ Г. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. С. 14-45.
15. Ноева С. Е. Своеобразие концепта «Земля» как основного понятия культурного ландшафта Севера (на примере произведений якутской литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). Ч. 2. С. 46-49.
16. Пермиловская А. Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9). Ч. 3. С. 121-124.
17. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 614 с.
18. Хазанкович Ю. Г. Концептосфера поэзии Г. Н. Курилова – Улуро Адо (к постановке вопроса) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 89-94.
19. Шурупова О. С. Особенности методологии исследования городского сверткста // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 295-302.

**SPECIFICITY OF CONCEPTUAL SPHERE OF THE YAKUT "NORTHERN TEXT"
(BY THE MATERIAL OF THE YUKAGHIR, EVEN AND EVENK LITERATURE)**

Burtseva Zhanna Valer'evna, Ph. D. in Philology
*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
gvburtseva@mail.ru*

The article identifies the peculiarities of the conceptual sphere of the Yakut "Northern text". This problem has not been previously investigated from the viewpoint of the local text, i.e. "text related to a certain place". For the first time, the concept FAR NORTH is examined as basic and structure-formative in the aspect of geo-poetical adoption of space. This concept manifests itself through signs – local symbols, landscape and nature images, ethno-mental, emotional and philosophical images. The key concepts of the Northern text (TUNDRA, TAIGA, RIVER, NOMAD ENCAMPMENT, TIME, DEER) are analysed.

Key words and phrases: Northern text; conceptual sphere; concept; Far North; geo-poetics; S. Kurilov; Uluro Ado; A. Krivoshapkin; G. Keptuke.

УДК 821.512.157

Дата поступления рукописи: 07.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.12>

В статье изучается вклад народного писателя Якутии А. В. Кривошапкина в развитие прозаических жанров эвенской литературы и литературы народов Севера в целом. А. Кривошапкин – крупный прозаик, автор исторических, социально-психологических и философского романов. Писатель ставит своей целью показать жизнь родного северного народа и воссоздать историю его развития. Этнографизм, фольклоризм и историзм его произведений составляют особенность эвенского романа. Установлено, что якутский сочинитель создает национальный характер эвенка, психологически убедительно раскрывает образ современного человека.

Ключевые слова и фразы: литература народов Севера; жанр; сюжет; образ; поэтика; фольклорные традиции; этнографизм; историзм; А. Кривошапкин.

Винокурова Антонина Афанасьевна, к. филол. н., доцент

Огорокова Варвара Борисовна, д. филол. н.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
antonina-vinokurova@bk.ru; bokorsaisar@mail.ru*

ПОЭТИКА РОМАНА АНДРЕЯ КРИВОШАПКИНА

Андрей Васильевич Кривошапкин – крупный государственный и общественный деятель, народный писатель и известный ученый. Он известен как автор более шестидесяти книг, среди которых публицистика, научные труды, учебные пособия. Но большинство из них – художественные тексты, вышедшие на эвенском, якутском, русском, туркменском, белорусском, украинском, английском, немецком языках. Таким образом, имя народного писателя Якутии стало известно широкой читательской аудитории. **Актуальность** статьи обусловлена тем, что на данном этапе изучены лишь ранние произведения – рассказы и повести А. Кривошапкина, а его романы заслуживают внимания не только как первые крупные эпические произведения в эвенской литературе, но и как оказывающие влияние на развитие всей литературы народов Севера. **Научная новизна** состоит в том, что романы А. Кривошапкина впервые вводятся в научный оборот, становясь предметом исследования. **Целью** статьи становится раскрытие художественных особенностей романа А. Кривошапкина. Для достижения цели нами решается **задача** рассмотреть его романы на жанровом и проблемно-тематическом уровнях. В процессе исследования романного творчества А. Кривошапкина мы опирались на принципы сравнительно-исторического метода, а также целостный метод анализа литературных произведений.

А. В. Кривошапкин – известный и крупный прозаик литератур народов Севера. Свои первые рассказы он написал, когда служил в рядах советской армии, так как скучал по своим родным просторам и перед его глазами вставали живые картины из жизни народа, природы, детские годы и милые сердцу образы близких людей. С тех пор в течение всей жизни, где бы он ни служил, огромное внимание уделял творческому труду. Исследователь его творчества Н. Н. Тобуроков считает, что «дела и слова в жизни А. В. Кривошапкина никогда не расходятся, писатель всегда верен своим идеалам» [12, с. 16]. Писатель в своих произведениях изображает жизнь эвенского народа и раскрывает особый мир Севера. Первыми к этой теме в начале XX века обратились русские писатели – А. Фадеев («Последний из удегэ»), В. Арсеньев («Дерсу Узала»), Тан Богораз («Воскресшее племя») и др. В современной литературе прозаики Севера изображают жизни своих народов. Такой взгляд «изнутри» не только более достоверен в осмыслении действительности, но и отражает самобытное видение мира писателей-северян. Исследователи отмечают необычность и загадочность Севера: «Вся история развития народов Севера представляет собой тысячелетия, полные борьбы за существование в особых условиях, крайне трудных для человека, что наложило отпечаток на различные формы жизни: социальную среду, материальную и духовную культуру» [8, с. 147].